

Плавучие чехлы

Полина Максимова

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Художественное оформление Екатерины Петровой

Максимова, Полина.
М17 Плавучие гнезда / Полина Максимова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.
ISBN 978-5-04-228809-8

Льды тают, вода поднимается, города медленно тонут. Молодые супруги Анна и Петр делят свое прибрежное жилье с парой климатических беженцев — Софией и Львом. Недоверие друг к другу сменяется осторожным сближением, пока за окнами надвигаются шторма. Однажды Анна обращается ко Льву с необычной просьбой, и отношения между парами запутываются. Когда буря достигает пика, переплетенные судьбы четырех людей тоже подходят к переломному моменту.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228809-8

© Максимова П., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Нам с тобой, разделенным Атлантикой

ПРОЛОГ В МОРЕ **София**

— У кольских саамов есть одна легенда о сотворении мира. Когда-то у Бога было два начала — добро по имени Иммель и зло по имени Перкель. Когда Бог решил сотворить землю, Иммель хотел, чтобы во всех реках текло молоко, повсюду росли цветы и ягоды. Но Перкель настоял на том, чтобы мир выглядел по-другому, таким, каким мы и привыкли его видеть. Для этого ему пришлось сковать Иммеля железными цепями и похоронить его под большой горой, чтобы тот не мешал.

Лев посмотрел на меня. Он улыбнулся и прикрыл глаза, он любил мои истории. Мой муж был как ребенок.

Я продолжала:

— Пока Иммель лежал под горой, он накопил столько сил, что смог опрокинуть эту гору и разорвать сковавшие его цепи. Когда у Иммеля получилось освободиться, уже он заточил Перкеля под гору. Так началась борьба добра со злом. Во время этой великой битвы земля тряслась и переворачивалась, вода вышла из берегов рек и озер и затопила всю сушу. Люди погибли, но Иммелю удалось спасти двух детей — мальчика и девочку. Он отнес их на самую высокую гору, известную теперь у саамов как Божья гора. Когда беда отступила, добро

Полина Максимова

победило зло, Иммель послал птиц, и они достали затопленную глубоко под водой землю, впиваясь в нее своими клювами. За это время мальчик и девочка выросли, и у них пошло собственное потомство. Так появились мы — люди, населяющие землю сегодня.

Лев открыл глаза и нахмурился. Он тихонько пихнул меня в бедро голой стопой. Я посмотрела на него и закатила глаза. Девушка, чуть помладше меня, ровесница Льва, всхлипнула и застонала. Ее голова лежала у меня на плече, и голой кожей я почувствовала, что из ее глаз полились слезы. Вода была повсюду, мы все состояли из воды, и я подумала, если эта девушка будет плакать весь наш путь до берега, то она сама вся вытечет и закончится. Такая же соленая, как слезы, она впадет в Белое море за нашим бортом и исчезнет. Ни костей, ни кожи, ни волос, ни крови — ничего от нее не останется. Только вода, которая смешается со всей этой водой вокруг.

Девушка и правда вся была мокрая, и мне захотелось отстраниться от нее, но я обещала ей утешение, обещала рассказать какую-нибудь интересную историю. Но в этот момент, как назло, я вспомнила только саамскую легенду о сотворении мира, которую перед сном мне когда-то читала мама. Ничего другого в голову не лезло. Это все из-за мамы, из-за ее любви к полуострову.

— Простите. Не умею я утешать.

— Ничего, продолжайте. Мне нравится ваша история. Вы красиво говорите, — прохрипел мужчина. Он лежал на полу, свернувшись в клубок, точно эмбрион. Думаю, он умирал. Он был весь в поту, его била дрожь. Наверное, он до конца оставался на затопленной части Кольского и заболел из-за сырости и холода, которые проникли в каждый дом на побережье. А может быть, он подхватил заразу

Плавучие гнезда

от комаров или крыс, которые плодились на полуострове как сумасшедшие все последние месяцы.

В нашей каюте стоял запах рвоты. Мужчину часто тошило, и в первые несколько раз я за ним убирала, но больше у меня не было сил. Врач дал ему какое-то лекарство, но я предполагаю, что оно сразу же вышло, не действовав.

Так мы и сидели: я рядом с незнакомой девушкой на моей койке, Лев на койке напротив. Он вытянул ноги и поглаживал меня своей стопой. На полу между нами лежал мужчина, он просил его не трогать, и мы все делали вид, что это нормально — не помогать ему, позволять ему умирать в крошечной каюте на холодном полу. В иллюминаторе я видела, каким густым и плотным был туман, уши заложило от гула, который исходил от двигателя нашего судна, а возможно, это из самых недр до нас доносился печально-протяжный стон Земли. Мы были как ледокол, только рассекали бесконечную белую пелену.

— Спасибо вам. Но я как раз закончила.

Я прокашлялась. Мокрота клокотала в горле, будто я наглоталась тумана, который просочился в щели трюма. Еще чуть-чуть и я сама буду выдыхать белый туман, словно дым электронной сигареты.

— Потоп ведь не длился вечно. — Я все-таки попыталась успокоить девушку. — В конце концов, добро победило зло. Люди выжили и принесли новое потомство.

Я старалась говорить мягко, поглаживала девушку по завиткам ее влажных волос. Мелкие кудряшки пружинили под моими пальцами, и я не могла перестать их перебирать. Ее волосы напомнили мне волосы Льва, которых я давно уже так не касалась.

Полина Максимова

— Но они-то могли принести новое потомство, а мы с вами не можем, — прошептала девушка в мое плечо.

Ее горячее дыхание обожгло кожу, а слова забрались в пустоту моего живота, пустоту моей утробы.

Лев смотрел на меня, и я смотрела на него. Он улыбнулся одним уголком рта, я тоже попыталась, но не смогла себя заставить сделать это. Мои губы ползли вниз, их тянуло на дно.

— А откуда вы знаете легенду саамов? — вдруг подал голос мужчина. Он постепенно затихал, его дрожь отступала, и я думала, сознание тоже его покидает.

— Моя мама из Ловозера, ее предки были саамами.

— Ваша мама из Ловозера? Ее нет на судне?

— Нет.

— Она осталась там?

— Она пропала незадолго до затопления. И я не знаю, где она.

— Она могла уехать в безопасное место, не сказав вам? — это уже спросила девушка.

— Нет. Она слишком любила полуостров и говорила, что уйдет под воду вместе с ним.

Мужчина что-то прохрипел, но я не разобрала. Девушка зарыдала у меня на плече, возможно, она тоже потеряла кого-то из близких во время череды наводнений на Кольском. А может быть, кто-то у нее остался там, отказавшись переселяться в Архангельск вместе с нами, как и моя мама.

Скорее бы добраться до берега. Скорее бы Иммел послал за землей птиц.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ГАВАНЬ

Гавань — место у морского берега, защищенное от ветра и волн.

Анна

Весь день моросило, и из-за тумана было не видно, что там вдалеке. Окна у нас выходили на реку, вернее, это уже будто и не река была вовсе, а бесконечное белое море.

Муж пошел на Морвокзал встречать судно с ними — беженцами с Кольского полуострова, где затопления уже начались. Я с самого утра занималась домом: пропылесосила, помыла полы, вытерла пыль, испекла фокаччу — оливки, маслины и консервированные томаты. Сегодня у нас будет вино, должно быть по крайней мере, муж обещал принести.

Каждый раз, проходя мимо окна, я останавливалась и вглядывалась в туманно-водную даль, пытаясь разглядеть, не появилась ли наконец на горизонте точка — судно с ними. Точка пока не появилась, но, может быть, она прячется за всей этой белой мутью, может быть, судно ближе, чем я думала.

Я ничего не ела со вчерашнего вечера, муж позавтракал консервами с тунцом в собственном соку и солеными огурцами, выпил кофе. Я любила, когда в квартире пахнет едой, это напоминало мне о маме и папе, о нашем доме. Свой собственный обустроить я так и не смогла.

Сегодня пропал наш кот. Зря Петя разрешал ему выходить на улицу, гулять самому по себе, это ведь все-та-

Полина Максимова

ки домашний кот. Я была уверена, что однажды мы его потеряем. Но только бы не сегодня. День и так ожидался тяжелым, совершенно неподъемным.

Закутавшись в Петин флисовый джемпер, я вышла через балкон в наш маленький палисадник. И кто придумал строить дома с палисадниками в северных широтах? Я еще раз оглядела реку. На набережной толпились люди, наверное, тоже высматривали судно. У Морвокзала, скорее всего, уже поставили палатки, где волонтеры будут выдавать теплые вещи и сухпаек, уже подогнали автобусы для развозки беженцев в их новые дома.

Муж обещал разобраться, напомнила я себе, обещал, что к нам не подселят мужчину. Я бы хотела, чтобы это была одинокая пожилая женщина или в крайнем случае семейная пара, ведь мне придется подолгу оставаться наедине с нашими новыми жильцами.

Петя — моряк, второй помощник капитана на контейнеровозе, поэтому его не бывает дома по несколько месяцев. Ходят они по Северному морскому пути до самого Китая, везут продукты и лекарства в такие труднодоступные места, куда невозможно организовать никакую другую доставку. Обратно они возвращается с грузом из Азии и Владивостока. Часто оттуда Петя привозит что-нибудь интересное, чего у нас в магазинах уже давно нет. В прошлый раз ему удалось достать японский джин.

Где же этот чертов кот? Я все никак не могла привыкнуть к нему, забывала покормить. Хотела бы я сказать, что это все потому, что кот вечно где-то таскается, вечно не дома. На самом деле это я не следила за его миской, не замечала, когда та пустеет.

Но я ни в коем случае не должна была его потерять, иначе подведу Петю. Он так любит этого кота. Уж точно больше,

ПЛАВУЧИЕ ГНЕЗДА

чем я. По крайней мере он называет кота не просто котом, а по имени — Моби Диком. Петя сам придумал ему кличку.

Наверняка бедный кот сейчас бродит где-то голодный и добывает себе еду.

Я положила остатки тунца в миску и вышла в палисадник позвать его:

— Ко-о-от! Моби Дик!

И в самом деле кот явился из-за кустов, облизываясь и шурясь то на один желтый глаз, то на другой. Я поставила миску на влажную траву, кот принюхался, но есть не стал. Он пробежал мимо меня и пропал в темноте дома. Сегодня я не включала свет, чтобы лучше видеть реку.

Я направилась к кустам, откуда вышел Моби Дик. Присев на корточки, раздвинула ветви — на земле лежала разодранная птица. Ее грудка была вспорота и обглодана до кости. Вот чем пообедал Моби Дик. Я вздохнула и подумала о том, что делать с птицей, надо ли ее хоронить или просто оставить здесь, под кустом. Нет, птица приведет в палисадник других животных или чаек, ворон, от этой маленькой мертввой птички надо избавиться. Скажу о ней Пете, когда он вернется.

Встав, я вернулась к дому. У входа на балкон обернулась, чтобы еще раз взглянуть на реку. Туманная муть над водой расступилась, и на ее фоне приобретала четкость большая ржавая посудина. Росла она прямо на глазах, как в том фильме с Моникой Витти. В фильме «Красная пустыня».

Они прибывают.

Интересно, сколько судно шло от Кольского полуострова до Архангельска? Вряд ли слишком долго. Это не сравнимся с тем, как надолго уходит в море мой муж. В послед-

Полина Максимова

ний раз он был в рейсе почти полгода. Не везде сейчас есть оборудованные порты, поэтому приходится разгружаться медленнее, чем обычно. Из-за этого они подолгу стоят в одном и том же населенном пункте. К тому же добираться до суши становится все сложнее. Да, льды на Северном морском пути тают, и казалось бы, проходимость должна стать лучше, но из-за прибывающей воды меняются моря и реки, и даже лоцманы уже не могут предусмотреть все опасные участки и не всегда знают, как их обойти.

Совсем скоро Петя снова уйдет в рейс, и неизвестно точно, сколько это продлится теперь.

Люди на набережной засутились, стали махать проходящему судну. Мне было немного стыдно за то, что я не так приветлива, не присоединилась к остальным, не встречаю их вместе с Петей. Все-таки люди лишились своих домов. Вряд ли они когда-нибудь смогут вернуться на Кольский.

Я зашла на кухню через балкон, хотела посмотреть, точно ли все готово к их прибытию. Пахло свежим хлебом и розмарином, его веточками я украсила блюдо с фокаччей. Мама любила розмарин, она учila меня добавлять его везде — в баранину, в жареную картошку и даже в шампунь, чтобы волосы росли длинными и густыми. Я всегда следовала ее советам, моя мама была мудрой женщиной, всю свою жизнь она посвятила семье. Папу она по-настоящему боготворила, как и я, поэтому я очень переживала, когда знакомила маму с Петей. Мне так хотелось, чтобы она признала: Петя похож на моего отца. Мне так хотелось, чтобы она это заметила.

С Петей мы ходили в одну школу, но влюбились друг в друга после встречи в типографии. Я подрабатывала в ней, когда училась на педагогическом, но в итоге не за-

Плавучие гнезда

хотела быть учительницей, поэтому осталась здесь и после выпуска. Хотя тратить свою жизнь на печать чужих курсовых я тоже не собиралась.

В нашем офисе в сыром темном подвале едва умещались четыре стола, заваленных стопками макулатуры. Кругом запах краски и нескончаемый шум принтеров. На самом деле наша компания владела не только типографией, но и небольшим издательством, мы даже выпускали собственные книги, но я не сильно в это вникала, потому что от меня требовалось только принимать заказы и распечатывать клиентам все, что они попросят. Подвал наш располагался между корпусами двух университетов сразу, и у нас были самые низкие цены, поэтому все студенты шли к нам. В течение года они просили меня распечатать доклады, рефераты, даже набранные мелким шрифтом тексты шпаргалок, ближе к лету — курсовые. А еще мы переплетали им дипломы и диссертации, у нас было больше двадцати вариантов расцветок и материалов — зеленый шелк, синий крокодил, бордовый крокодил, черный, алый, слоновая кость и так далее, и на каждом из них можно было сделать тиснение.

Однажды жарким летним днем, каких теперь в Архангельске не бывает, я выбралась на свет из нашего подвала за чем-нибудь освежающим. Кафе, где сотрудникам типографии делали скидку, находилось буквально за соседней дверью. Я скрылась за ней, как раз когда мимо проходил Петя. Он спустился к нам в подвал и уже расспрашивал по поводу переплета диплома моего коллегу, который сидел за соседним столом. Если бы в кафе была очередь, если бы в кофемашину надо было засыпать зерна, если бы у бариста не было слачи и он побежал бы менять мои деньги